

НА РАССТОЯНИИ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ

Аджимамбетова Яна Георгиевна

Яна Аджимамбетова

На расстоянии вытянутой руки

«Автор»

2026

Аджимамбетова Я.

На расстоянии вытянутой руки / Я. Аджимамбетова — «Автор»,
2026

История одной любви, которая всегда была рядом. Ей четырнадцать, ему семнадцать. Первое знакомство, робкие сообщения, случайные встречи и снова — тишина. Казалось, сама жизнь раз за разом разводила их в стороны. Но проходили годы, а невидимая нить оставалась. И однажды, когда оба этого совсем не ждали, расстояние сократилось до нуля. Это история о том, что самые важные люди в нашей судьбе часто находятся ближе, чем кажется.

© Аджимамбетова Я., 2026

© Автор, 2026

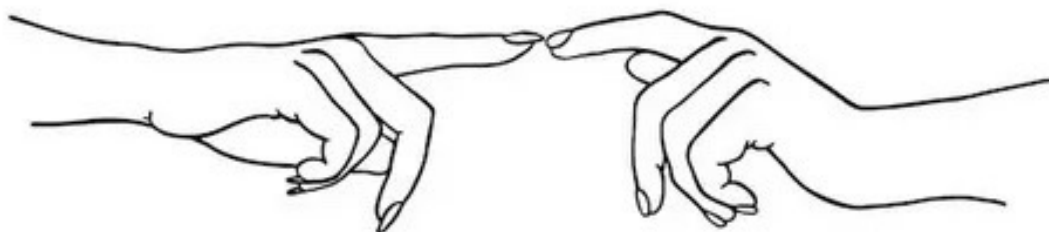
Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

На расстоянии вытянутой руки

Глава

На расстоянии вытянутой руки

Аджимамбетова Яна

На расстоянии вытянутой руки

Роман

2026

Посвящается

Моим читателям- тем, кто верит, что любовь всегда рядом.

«Мы всё это время были на расстоянии вытянутой руки.

Просто оба боялись её протянуть».

Яна

Говорят, любовь приходит неожиданно. Как гром среди ясного неба. Как удар молнии. Как судьба, которая переворачивает жизнь с ног на голову.

Не верьте.

Настоящая любовь не приходит. Она всегда рядом. Просто мы не замечаем её — или боимся заметить. Она сидит в том самом человеке, который бесит тебя больше всех. В том, кто пишет «Привет. Как дела?» посреди ночи. В том, кто смотрит на тебя с экрана телефона, а ты отводишь глаза. В том, кто говорит: «Ты будешь моей женой», — а ты смеёшься в ответ.

Эта книга — о расстоянии вытянутой руки.

О том расстоянии, которое разделяло нас долгие восемь лет. О случайных встречах и намеренных расставаниях. О сообщениях, оставшихся без ответа, и звонках в три часа ночи. О страхе, который заставлял меня блокировать его снова и снова. И о любви, которая всё равно победила.

Меня зовут Яна. И это моя история. История о том, как неприятный парень стал моим мужем, отцом моего сына и человеком, без которого я не представляю своей жизни.

Если вы сейчас думаете о ком-то — о том, кто когда-то был рядом или есть сейчас, — возможно, эта история для вас. Возможно, ваша любовь тоже находится на расстоянии вытянутой руки.

Просто протяните её.

Главу 1 « Семь лет до встречи »

Сцена 1. Гроза и первый крик

Р

одильный дом, палата № 3. 18 сентября, 18:00 вечера.

За окном бушевала гроза. Не просто дождь — а настоящий сентябрьский шторм, который пришёл ниоткуда и решил, что этой ночью он будет главным. Молнии рвали небо на куски с такой силой, что даже стены роддома, казалось, вздрагивали. Гром бил по крыше так, будто кто-то огромный, тяжелый и очень злой колотил по железу кулаками, требуя, чтобы его впустили.

В палате пахло хлоркой, железом и потом. Воздух был влажный, горячий, и каждый вздох давался с трудом. Мама — молодая, ей всего двадцать три, испуганная, с мокрыми от пота волосами, прилипшими

Аджимамбетова Яна

ко лбу — сжимала край простыни и молчала. Кричать она уже не могла. Крик закончился три часа назад.

— Тужьтесь, — сказала акушерка. Ей было лет пятьдесят, седая, с усталыми глазами, но руки держала твёрдо

— Ещё один раз. Давай, милая. Я вижу головку. Ещё чуть-чуть.

Мама зажмурилась. В её голове мелькнула одна-единственная мысль: «Если я умру сейчас, то я хотя бы успела её увидеть». Она не знала, откуда взялась эта мысль — страшная, глупая, материнская. Она сжала зубы, собрала все силы, которые ещё оставались в её измученном теле, и толкнула.

В этот момент молния ударила прямо за окном — белая, ослепительная, злая. Она расколола небо пополам, как трещина в хрустальном шаре. Свет от неё залил всю палату на долю секунды, и мама увидела своё отражение в стекле — бледную, чужую женщину, которая смотрела на неё с ужасом и надеждой.

А вслед за молнией, в ту же секунду, раздался крик.

На расстоянии вытянутой руки

Громкий. Настойчивый. Не детский — такой, будто кто-то маленький, но очень важный, решил заявить о себе сразу, с первого вдоха. Крик перекрыл даже гром, и акушерка на мгновение замерла, а потом улыбнулась — широко, почти по-девчоночьи, что было странно видеть на её строгом лице.

— Девочка, — сказала она, и голос её дрогнул. — Здоровая. Кричит как командир.

Она подняла мокрый, красный, ещё тёплый комочек и показала маме. Тело девочки было покрыто слизью, волосы — тёмные, липкие — прилипли к голове, но глаза она уже открыла. Тёмные, внимательные, удивительно спокойные для того, кто только что вышел из темноты в свет.

— Она смотрит на меня, — прошептала мама. — Она видит меня.

— Конечно, видит, — усмехнулась акушерка. — Она же не слепая. Ну, давай, держи.

Она положила девочку маме на грудь. И в этот момент произошло нечто странное. Яна — а мама уже знала, что назовёт её так — перестала кричать. Словно она услышала что-то, что её успокоило. Словно она поняла: «Ах, это ты. Я тебя знаю. Я тебя ждала».

Аджимамбетова Яна

Она прижалась щекой к маминой груди, услышала стук её сердца и затихла.

Мама заплакала. Не громко, а тихо, счастливо, уткнувшись носом в мокрую от пота простыню. Она не знала, что будет дальше. Она не знала, справится ли одна. Она не знала, простит ли её когда-нибудь мир за то,

что она сделала. Но в этот момент — с этим тёплым, живым, дышащим комочком на груди — ей казалось, что она справится со всем.

— Я назову её Яной, — прошептала она. — Это имя значит «милость Божья».

Акушерка на секунду задумалась, а потом хмыкнула:

— Милость Божья, которая орёт громче грома. Ну что ж, с характером будет, это точно.

Она взяла девочку, чтобы взвесить и запеленать. Яна не заплакала — она просто моргнула и снова закрыла глаза, доверяя чужим рукам. Акушерка подивилась: «У этой малышки не дрожит подбородок. Сорок лет принимаю, а такое вижу впервые».

Через несколько минут Яна лежала в чистой пелёнке, в маленькой кровати, в углу палаты. Она уже спала — ровно, спокойно, поджав кулачок к подбородку.

На расстоянии вытянутой руки

За окном гроза начала стихать. Гром уходил вдаль, становясь всё тише, словно он выполнил свою работу и теперь отступал. Дождь барабанил по стеклу уже не зло, а убаюкивающе, как колыбельная. Где-то в разрывах облаков проглянула луна — тонкая, серебряная, как первый намёк на то, что всё будет хорошо.

Мама лежала и смотрела на свою дочь. Она чувствовала такую усталость, что глаза слипались, но не могла отвести взгляда.

— Яна, — прошептала она ещё раз, пробуя имя на вкус. — Яна. Яна. Ты будешь самой сильной. Я обещаю.

Она не знала, что это обещание она будет выполнять всю свою жизнь.

А Яна во сне улыбнулась. Ей снились звёзды.

Аджимамбетова Яна

Сцена 2. Папа ушёл, а травмы остались

Осень. Яне почти исполнилось 3 года.

В тот день Яна проснулась от тишины. Обычно утром было шумно: папа громко ходил по кухне, гремел чашками, включал радио, а мама кричала: «Тише, ребёнок спит!». Но в это утро было тихо. Так тихо, что Яна слышала, как за окном падает снег — тихо, мягко, беззвучно.

Она слезла с кровати и, шаркая маленькими ножками в разноцветных носках, пошла на кухню. Её ждал сюрприз.

На кухне было пусто. Мама сидела за столом с кружкой чая, которая уже давно остыла. Она смотрела в окно и не обернулась, когда Яна вошла. На её лице не было слёз, но было что-то хуже — пустота.

— Мам? — позвала Яна.

Мама вздрогнула, как будто её разбудили от глубокого сна. Она повернулась и попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, сломанной.

— Доброе утро, малыш, — сказала она голосом, который звучал так, будто она простудилась.

— А где папа? — спросила Яна.

На расстоянии вытянутой руки

Мама опустила глаза. Она долго молчала, и в этом молчании было столько веса, что Яна, которой было всего четыре, почувствовала: что-то сломалось. Что-то в мире сдвинулось и больше никогда не встанет на место.

— Папа ушёл, — наконец сказала мама. — Он больше не вернётся.

Яна смотрела на неё, не понимая. «Ушёл» — это как в магазин? Как на работу? Она знала, что папа иногда уходил и возвращался. Но мама сказала «не вернётся». Это слово звучало тяжело.

— Куда? — спросила Яна.

— Далеко, — ответила мама. — Очень далеко.

Яна подошла к маме, забралась к ней на колени и прижалась. Мама обняла её — так крепко, что Яна на мгновение испугалась. Но мамины руки дрожали. И тогда Яна поняла: маме страшно. И Яна должна быть сильной, потому что мама сейчас не может.

— Я буду с тобой, — сказала Яна. — Я не уйду.

Мама всхлипнула, и наконец слёзы потекли по её щекам. Она не могла говорить. Она просто держала дочь и плакала. Яна не плакала. Она сидела и смотрела в угол комнаты, где стоял папин старый плюшевый медведь — большой, потёртый, с оторванным ухом.

Аджимамбетова Яна

— Можно я возьму мишку? — спросила Яна.

Мама кивнула, вытирая слёзы. Яна слезла с коленей, подошла к медведю, взяла его на руки. Он был почти с неё ростом и пах табаком и ванилью — папиным запахом.

Она посадила его на стул, погладила по голове и сказала:

— Ты теперь мой папа. Я буду заботиться о тебе. И ты не уйдёшь.

Медведь не ответил. Но Яна была уверена: он понимает.

Время шло. Яне стало почти 5 лет.

Сначала она ждала, что папа вернётся. А потом она поняла: ждать — это больно.

Мама изменилась. Она стала больше смеяться. Иногда она сидела на кухне и долго смотрела на телефон. Иногда она плакала по ночам, думая, что Яна спит. Но Яна не спала. Она лежала в своей кроватке, сжимала медведя в руках и слушала мамины слёзы.

В эти минуты Яна чувствовала, как у неё внутри появляется маленькая, твёрдая, холодная точка. «Что-то

На расстоянии вытянутой руки

сломалось», — думала она. И она не знала, как это починить.

Однажды к ним пришла тётя Ирина — мамина старшая сестра. Она принесла пирог и конфеты, погладила Яну по голове и сказала:

— Не плачь, маленькая. Ты у мамы единственная радость. Будь хорошей девочкой.

Яна не знала, что такое «радость».

Она стала тихой. Перестала задавать вопросы. Перестала просить игрушки. Она научилась не плакать, даже когда было больно — когда она падала, когда у неё болел живот, когда ей было страшно. Потому что мама не должна видеть её слабой. Мама не должна переживать.

Но по ночам, когда никто не видел, Яна прижимала к себе старого медведя, зарывалась носом в его потёртую шерсть и шептала:

— Я тоже хочу, чтобы папа вернулся. Но я не буду плакать. Я буду сильной.

Медведь молчал. Но Яна чувствовала: он единственный, кто её понимает.

Сцена. Школа и первый урок жестокости (5 лет)

Аджимамбетова Яна

В пять лет Яна пошла в школу. Мама сказала: «Тебе нужно общаться с детьми». Яна не хотела, но согласилась — потому что мама просила.

В школе было шумно, грязно и чуждо. Дети бегали, кричали, толкались. Яна сидела в углу с книжкой и не подходила ни к кому.

— Почему ты не играешь? — спросила учительница.

— Я не хочу, — ответила Яна.

Учительница вздохнула, но не стала заставлять.

Однажды на перемене к ней подошёл мальчик по имени Артём. Он был крупный, с пухлыми щеками и наглым взглядом.

— У тебя нет папы, — сказал он. — Я слышал, как твоя мама говорила нашей учительнице. Ты безотцовщина.

Яна не знала этого слова, но поняла: это оскорбление. Она сжала руку в кулак и посмотрела на Артёма.

— У меня есть папа, — сказала она. — Просто он далеко.

— Нет, — засмеялся Артём. — Он ушёл от вас. Потому что ты плохая.

На расстоянии вытянутой руки

Внутри Яны что-то щёлкнуло. Не боль — нет. Что-то холодное, острое. Как стекло, которое треснуло и вот-вот рассыплется.

Она не заплакала. Она подняла руку и со всей силы ударила Артёма по руке.

Артём взвыл. Прибежала учительница, начала ругать Яну, вызвала маму.

Мама пришла после окончания уроков, уставшая, с тёмными кругами под глазами. Выслушала учительницу, посмотрела на Яну.

— Зачем ты это сделала? — спросила мама, когда они шли домой.

— Он сказал, что у меня нет папы, — ответила Яна. — И что я плохая. Я ударила, чтобы он замолчал.

Мама остановилась. Она посмотрела на Яну с удивлением и грустью.

— Ты не плохая, — тихо сказала мама. — Но драться — это не выход.

— Я знаю, — ответила Яна. — Но он не должен был говорить про папу.

Мама не стала её ругать. Она просто взяла Яну за руку, и они пошли дальше. Яна чувствовала: мама её

Аджимамбетова Яна

понимает. Но мама не знает, как помочь. И Яна поняла: никто не знает. Она сама должна справляться.

Сцена. Первая ночь без слёз (5 лет, зима)

В ту ночь Яна долго не могла уснуть. Она лежала в кроватке, смотрела на потолок и вспоминала, как мама плакала утром. Вспоминала слова Артёма: «Ты плохая».

Она сжала медведя и прошептала:

— Я не плохая. Я просто... я просто не знаю, как быть хорошей.

Вдруг она услышала шаги. Мама подошла к двери, приоткрыла её и посмотрела на Яну. Думала, что дочь спит.

— Спи, моя маленькая, — тихо сказала мама. — Я рядом. Я никогда тебя не брошу.

Мама закрыла дверь. Яна зажмурилась, прижала медведя к груди и почувствовала, как внутри неё что-то — то самое холодное, острое — начало оттаивать. Мама не бросит её. Мама рядом.

— Я сильная, — сказала себе Яна. — Я справлюсь.

И впервые за долгое время она уснула без слёз. На щеке застыла маленькая улыбка — почти незаметная, но настоящая. Она не знала, что завтра будет новый день. И

На расстоянии вытянутой руки

что впереди её ждут звёзды, люди и любовь. Она знала только одно: мама рядом. И этого достаточно.

Аджимамбетова Яна

Сцена 3. Люди без лиц

Возраст: 6 лет. Дом, школа, улица, магазин.

Яна не помнила, когда именно начался этот страх. Он был как тень, которая всегда следовала за ней по пятам. Иногда она думала, что он родился вместе с ней, просто дремал где-то внутри, а потом проснулся — и больше не засыпал.

Запах.

Всё началось с запаха. Того самого, который она чувствовала, когда папа приходил домой по вечерам. Ей было три года, когда она впервые поняла: «Этот запах — плохой». Он был кислый, резкий, смешанный с табаком и мокрой уличной одеждой. Он въедался в волосы, в пальто, в кожу дивана, на котором папа сидел. Он оставался в квартире ещё долго после того, как папа уходил.

Яна не знала тогда, что это называется «алкоголь». Она знала только одно: когда папа пах этим, он переставал быть папой.

Он становился громким. Его голос менялся — становился ниже, грубее, будто он говорил не с людьми, а со стеной. Он мог разбить чашку, не глядя на неё, мог

На расстоянии вытянутой руки

наступить на её игрушки, не заметив. Он мог сидеть на кухне, смотреть в одну точку и молчать часами, а Яна боялась подойти, потому что не знала, что он сделает.

Он никогда не бил Яну. Но она запомнила его глаза — мутные, покрасневшие, как будто налитые водой, и взгляд, который смотрел сквозь неё, а не на неё. Она помнила, как он мог улыбаться, но улыбка не касалась его глаз. В такие моменты Яна чувствовала: «Это не мой папа. Это кто-то другой, кто забрал его лицо».

Когда папа ушёл, Яна вздохнула с облегчением. Она не знала, как сказать это вслух, чтобы не обидеть маму, но внутри она чувствовала: «Хорошо. Теперь тихо. Теперь я могу спать спокойно».

Но страх остался. Он переехал вместе с ними в квартиру, затаился в углах, в запахах, в тенях. И однажды, когда Яне было шесть лет, он вышел наружу.

Сцена у магазина.

Это был обычный субботний день. Мама сказала: «Яна, мы идём в магазин, надо купить хлеб и молоко». Яна любила ходить в магазин, потому что там можно

Аджимамбетова Яна

было смотреть на витрины с конфетами и просить у мамы «вот это, пожалуйста».

Они стояли в очереди. Было душно, пахло пылью и мясом из соседнего отдела. Яна вертела в руках мамин кошелек и смотрела на пол, где были нарисованы жёлтые квадраты для тех, кто ждёт.

Вдруг она почувствовала запах.

Сначала она не поняла. Просто нос уловил что-то знакомое, и мозг, как компьютер, начал перебирать варианты. «Мороженое? Нет. Пирожки? Нет. Это... это...»

Она обернулась.

Позади стоял мужчина. Лет сорока, в грязной чёрной куртке, с красным, опухшим лицом и неровной улыбкой. Он держал в руках пластиковый пакет с бутылкой. От него пахло тем самым — кислым, резким, знакомым до тошноты.

И его глаза. Мутные. Чужие. Как у папы, когда он был «не папой».

Мужчина посмотрел на Яну и улыбнулся. Улыбка была странной — не злой, но пустой, как будто он улыбался стене.

На расстоянии вытянутой руки

— Здорово, малая, — сказал он. — Чего смотришь? Хочешь конфетку?

Яна не ответила. Она не могла дышать. Всё внутри неё сжалось в один тугой, ледяной комок. Она вцепилась в мамину руку — так крепко, что побелели пальцы — и уткнулась лицом в её пальто.

— Яна? Что с тобой? — удивилась мама.

— Там... он... — прошептала Яна, не поднимая головы.

Мама обернулась, посмотрела на мужчину, нахмурилась и отвела Яну в сторону.

— Не смотри на него, — тихо сказала мама. — Он просто пьяный. Он тебя не тронет.

Но Яна уже не могла успокоиться. Она чувствовала, как дрожит её тело, как сердце колотится в груди, как холодный пот выступает на ладонях. Ей казалось, что этот мужчина — тот же самый, что и папа. Он просто переоделся, взял другую куртку, но это он. И если она поднимет глаза, она увидит его лицо — лицо, которое она боялась помнить.

Она не заплакала. Она научилась не плакать. Она просто стояла, прижавшись к маме, и ждала, пока очереди не будет.

Аджимамбетова Яна

Вечером мама спросила её:

— Почему ты испугалась того дяди?

Яна долго молчала. Потом сказала:

— Он пах как папа. И у него были такие же глаза.

Мама отвела взгляд. Она поняла.

— Папа уже не вернётся, — сказала мама. — Он не придёт. И таких людей больше не будет рядом с тобой. Я обещаю.

Но Яна знала: мама не может обещать за весь мир.

Ей снились люди с лицами. Она не знала, как их нарисовать, но она знала, что однажды — когда-нибудь — она перестанет бояться и сможет нарисовать их. Она сможет смотреть в глаза и не видеть там страх.

Но пока она была маленькой, она просто рисовала белые пятна вместо лиц и ждала.

Пьяный мужчина на остановке.

Через две недели мама не смогла забрать Яну из школы вовремя. Учительница сказала: «Подожди на скамейке у входа, мама уже едет». Яна села на скамейку, положила рюкзак на колени и стала смотреть на дорогу.

Шли люди. Обычные люди — с сумками, с колясками, с телефоном в руках. Яна уже почти успокоилась, как вдруг она увидела его.

На расстоянии вытянутой руки

Мужчина. В грязной куртке. С бутылкой в руке. Он шёл по тротуару, пошатываясь, и бормотал что-то себе под нос. Он не смотрел по сторонам, он смотрел под ноги, но Яна всё равно

почувствовала страх — он поднимался из живота в грудь, сжимал горло, заставлял сердце биться быстрее.

Она не могла убежать. Ноги не слушались. Она могла только сидеть и смотреть, как он приближается.

Она снова почувствовала запах. Сначала слабый, потом — резкий, густой, противный.

И она вспомнила. Вспомнила, как папа сидел на кухне с бутылкой, как он смотрел в стену, как он кричал, что устал, что его никто не понимает, что жизнь — дерьмо. Вспомнила, как мама шептала: «Не подходи к нему, Яна, просто сиди в комнате». И она сидела. Сидела и боялась дышать.

Мужчина прошёл мимо скамейки. Он не заметил Яну. Он даже не повернул голову. Но Яна уже не могла сидеть.

Она встала, отошла за угол, где была стена, и села на корточки. Обхватила колени руками, опустила голову и начала дышать — медленно, глубоко, как учила мама.

Аджимамбетова Яна

— Он не мой папа, — прошептала она. — Он просто чужой. Он не тронет меня. Я сильная. Я справлюсь.

Она повторяла это как молитву, пока не услышала голос мамы:

— Яна! Ты где?!

Она подняла голову и увидела маму, которая бежала к ней с испуганным лицом.

— Что случилось? — спросила мама. — Почему ты здесь?

— Ничего, — сказала Яна. — Я просто... я просто хотела посидеть одна.

Мама не поверила, но не стала допрашивать. Она обняла Яну, подняла её на руки и понесла к машине. Яна прижалась к маминой груди и закрыла глаза.

— Всё хорошо, — прошептала мама. — Я рядом. Ты в безопасности.

Яна хотела верить. Но внутри неё всё ещё жил страх. Он не уходил. Он ждал, когда она расслабится, чтобы снова напомнить о себе.

Рисунки без лиц.

Вечером Яна сидела за столом. Перед ней лежал альбом и краски. Она рисовала — деревья, солнце, облака, дом с зелёной крышей. Ей нравилось рисовать.

На расстоянии вытянутой руки

Краски помогали ей забыть о том, что мир иногда страшный.

— Яна, ты молодец, — сказала мама, заглядывая через плечо. — А почему ты не рисуешь людей?

Яна остановилась. Её рука замерла над листом. Она взяла жёлтую краску и начала рисовать солнце. Потом — синее небо. Но когда она перевела взгляд на пустое место внизу, где должны были быть люди, она почувствовала пустоту.

Она взяла карандаш и попыталась нарисовать человека. Круглая голова. Плечи. Руки. Ноги. Но когда она подошла к лицу, она остановилась.

Глаза. Как она может нарисовать глаза, если она боится того, что они могут увидеть? Если она боится, что любой человек с глазами может быть таким, как папа — сначала добрым, а потом чужим? Если она боится, что за красивыми глазами может скрываться тот самый запах?

Она не могла. Её рука не слушалась.

— Яна? — спросила мама. — Почему у них нет лиц?

Яна долго молчала. Потом сказала:

— Я ещё не знаю, кто они. Может быть, они добрые. А может, нет. Я не хочу рисовать того, кого не знаю.

Аджимамбетова Яна

Мама задумалась. Она не знала, что ответить. Она просто поцеловала Яну в голову и сказала:

— Когда ты вырастешь, ты встретишь людей, которым сможешь нарисовать лица. Я верю в тебя.

Яна не ответила. Она посмотрела на свой рисунок. Там были дерево, дом, солнце и три фигуры без лиц — большая, средняя, маленькая. Она знала, что это папа, мама и она. Но она не могла нарисовать им лица, потому что боялась, что если они будут смотреть на неё, она увидит в них то, что её пугает.

Она закрыла альбом и пошла в кровать.

— Знаешь, — прошептала она медведю, прижимаясь к его шерсти. — Я не хочу, чтобы папа возвращался. Но я хочу, чтобы у него было лицо. Чтобы я могла смотреть на него и знать: «Это мой папа». А не чужой.

Медведь молчал. Яна вздохнула и закрыла глаза.

Ей снились люди с лицами. Она не знала, как их нарисовать, но она знала, что однажды — когда-нибудь — она перестанет бояться и сможет нарисовать их. Она сможет смотреть в глаза и не видеть там страх.

Но пока она была маленькой, она просто рисовала белые пятна вместо лиц и ждала.

На расстоянии вытянутой руки

Сцена 4. Звёзды и одиночество

Возраст: 8 лет. Деревня у бабушки. Июль – август. Мама — в городе, на работе.

Два года назад, когда Яне было шесть, мама сказала: «Я нашла хорошую работу в городе. Но мне придётся много работать. Ты будешь жить у бабушки. Там спокойно, там свежий воздух, и бабушка тебя любит».

Яна не плакала. Она уже научилась не плакать по пустякам. Но внутри неё что-то сжалось — как будто маленький кулачок забился в груди и не хотел разжиматься.

«Мама меня оставляет», — подумала она. И она не знала, что с этим делать.

Но бабушка — это была совсем другая история.

Бабушка была тихой, доброй, с руками, которые всегда пахли тестом и травами. Она жила в доме с зелёной крышей, в окружении старого сада и бесконечных грядок с помидорами. Дом скрипел, половицы пели, а в углах всегда пахло сушёной мятой.

Яна любила бабушку. Но по ночам, когда бабушка уже спала, Яна лежала в своей кровати и смотрела в

Аджимамбетова Яна

потолок. Она думала о маме. О том, как мама сидит в душном офисе, усталая, смотрит в телефон и ждёт, когда можно будет позвонить.

Мама звонила каждую неделю. Голос у неё был усталый, но она всегда спрашивала: «Ты кушаешь? Ты слушаешься бабушку? Ты скучаешь?»

— Скучаю, — отвечала Яна.

— Я тоже, малыш. Я приеду на выходные. Мы поедем мороженое.

Но часто мама не приезжала. Потому что была работа. Потому что была усталость. Потому что билеты на автобус стоили дорого. Яна понимала. Она старалась не обижаться. Но каждый раз, когда мама не приезжала, внутри Яны разжимался тот самый маленький кулачок, и она чувствовала пустоту.

— Бабушка, а почему мама не приезжает? — спросила она однажды.

— У мамы работа, — ответила бабушка. — Она зарабатывает деньги, чтобы у тебя было всё. Она тебя любит. Просто не всегда может быть рядом.

— Но я хочу, чтобы она была рядом.

На расстоянии вытянутой руки

— Знаю, — сказала бабушка. — И она тоже хочет. Но иногда нужно выбирать: или быть рядом, или давать тебе будущее. Мама выбрала будущее. Это нелегко.

Яна не до конца поняла, но кивнула.

Сцена. Бабушкин сад и ежедневные ритуалы.

Каждое утро Яна просыпалась от запаха блинов. Бабушка всегда вставала рано, задолго до солнца, и начинала готовить. Яна слышала, как шкворчит масло на сковороде, как бабушка напевает что-то старое, довоенное, и как Бим стучит хвостом по полу в ожидании завтрака.

После завтрака они шли в сад. Бабушка показывала Яне, как поливать помидоры, как подвязывать огурцы, как собирать яблоки, которые падали с деревьев.

— Ты должна знать, что еда не берётся из магазина, — говорила бабушка. — Она растёт из земли. И если ты заботаешься о земле, она заботится о тебе.

Яна слушала, но не всегда понимала. Ей нравилось просто смотреть на бабушкины руки — морщинистые, в пятнах, но такие уверенные. Они могли всё: починить сломанную игрушку, замесить тесто, погладить по голове, когда грустно.

Аджимамбетова Яна

Однажды Яна спросила:

— Бабушка, а ты боишься чего-нибудь?

Бабушка задумалась. Потом сказала:

— Я боюсь, что не смогу вас защитить.

Яна не поняла, но почувствовала: бабушка тоже устаёт. Бабушка тоже переживает. Просто она не показывает.

— Я тебя защищу, — сказала Яна. — Когда вырасту.

Бабушка улыбнулась и погладила её по голове.

Первая ночь со звёздами.

В ту ночь Яна не могла спать. В голове крутились мысли о маме, о городе, о том, почему всё так сложно. Она вышла на крыльцо и села на старую деревянную ступеньку. Бим — толстый, ленивый пёс — подошёл и лёг рядом.

— Почему у меня нет мамы рядом? — спросила Яна у Бима.

Бим зевнул.

— А почему папа вообще был таким? Почему он пил? Почему он ушёл?

Бим вильнул хвостом. Он не знал ответов. Но он был рядом, и это уже много значило.

Яна подняла глаза к небу.

На расстоянии вытянутой руки

Там было море звёзд. Не несколько штук, как в городе, где свет фонарей съедает ночь. Здесь небо было огромным, чёрным, глубоким. Яна чувствовала, что если она посмотрит долго, то упадёт в эту темноту — но это не пугало. Это было похоже на возвращение домой.

— Кто там? — прошептала Яна.

Звёзды не ответили. Но Яна почувствовала, что они смотрят на неё. Ей казалось, что каждый огонёк — это чьё-то окно. Что там,

Мама всегда говорила «чтобы побыть». И Яна знала: мама устала. Она работает не для себя. Она работает для Яны.

Вечером Яна взяла маму за руку и вывела на улицу.

— Смотри, — сказала она. — Звёзды.

Мама подняла голову и посмотрела. Она долго молчала, а потом сказала:

— Они красивые.

— Бабушка говорит, это окна, — сказала Яна. — Что там кто-то тоже смотрит на звёзды. И мы не одни, даже когда одиноки.

Мама посмотрела на Яну и улыбнулась. Она не сказала, что это наивно. Она сказала:

Аджимамбетова Яна

— Ты права. Мы не одни.

Они обнялись. Яна вдохнула запах мамы — усталость, шоколад и немного дороги. Она чувствовала: мама любит её, даже когда далеко. И это было важнее, чем все звёзды мира.

Прощание (воскресенье).

Мама уезжала воскресным вечером. Яна стояла у ворот и махала рукой, пока такси не скрылось за поворотом.

Она вернулась в дом, села на крыльцо и обняла Бима.

— Я не плачу, — сказала она. — Я просто смотрю на звёзды.

И она подняла глаза. Звёзды были на месте. Они ждали её.

Яна улыбнулась.

«Мама вернётся, — подумала она. — А звёзды всегда здесь. И бабушка всегда здесь. Я не одна».

Она не знала, что через много лет она будет сидеть на другом крыльце, смотреть на другие звёзды и ждать другого человека. Но она знала одно: звёзды не предадут. Звёзды всегда рядом.

На расстоянии вытянутой руки

Яна легла на траву и закрыла глаза. Ей снились окна. Много-много окон, в каждом — кто-то, кто смотрит на неё. наверху, кто-то сидит у своего окна и смотрит вниз, на неё, и тоже чувствует себя одиноким.

Она вспомнила слова бабушки: «Звёзды — это окна. В другие миры, в другие жизни, в другие возможности. Если ты долго смотришь на них, они начинают смотреть на тебя в ответ».

— Я хочу, чтобы кто-то посмотрел на меня, — прошептала Яна. — Я хочу, чтобы меня видели.

Она не знала, что эти слова однажды сбудутся. Что через шесть лет, в другом городе, в другом окне, на неё посмотрит кто-то — и она почувствует, что её наконец-то видят.

Сцена. Соседский мальчик Алёша.

На второй неделе в деревне у бабушки появился соседский мальчик. Его звали Алёша. Он был на год старше Яны и уже умел ловить рыбу. Он был худым, с обгоревшими плечами и вечно грязными коленками.

Он первый заговорил, когда Яна сидела на заборе и смотрела вдаль.

— Ты кто? — спросил он.

— Яна, — ответила она.

Аджимамбетова Яна

— Ты из города?

— Нет.

— А с кем ты тут живешь?

— Живу у бабушки. Мама работает в городе.

Алёша кивнул, как будто это было нормально.

— Айда на речку, — сказал он. — Там раки есть. Я покажу.

Яна не знала, как сказать «нет». Поэтому она пошла.

Они сидели на берегу и смотрели на воду. Яна не разговаривала — она боялась сказать что-то глупое. Алёша тоже молчал. Но молчание не было неудобным. Оно было как река — тёплое, спокойное.

— У тебя есть друзья? — спросил Алёша.

— Есть, — честно ответила Яна.

— У меня нет, — сказал Алёша. — Это ничего. Я люблю тишину.

Яна улыбнулась. Это был первый раз, когда кто-то сказал ей: «Тишина — это нормально».

Они не стали друзьями. Но на несколько недель Алёша стал тем, с кем можно было просто сидеть рядом и не бояться говорить.

На расстоянии вытянутой руки

Она не знала, что больше никогда его не увидит. Но она запомнила его — как первого человека, который не смотрел на неё как на странную.

Утро. Разговор с бабушкой.

Наутро Яна сидела на кухне и пила чай с молоком. Бабушка пекла блины — тонкие, кружевные, с дырочками.

— Ну что, видела звёзды? — спросила бабушка.

— Да, — сказала Яна. — Их очень много.

— А что ты чувствовала?

— Я чувствовала, что я не одна, — сказала Яна. — Там, наверху, кто-то есть. Я не знаю кто. Но я чувствовала, что меня видят.

Бабушка улыбнулась и перевернула блин.

— Звёзды не дают ответов, Яна. Но они напоминают, что мир больше, чем наша боль. Там, наверху, кто-то тоже смотрит на звёзды и чувствует то же, что и ты. Вы не одиноки, даже когда одиноки.

Яна задумалась. Она никогда не думала об этом раньше.

— А мама видит звёзды? — спросила она.

Аджимамбетова Яна

— Конечно, видит. Просто она часто не поднимает голову. У неё нет времени. Но звёзды всё равно есть. Они ждут, когда она посмотрит.

Яна кивнула. Она решила, что когда мама приедет, она покажет ей звёзды. Она заставит маму поднять голову.

Сцена. Приезд мамы (один раз в месяц).

Мама приезжала раз в месяц — обычно в субботу утром, с большими сумками. Она привозила конфеты, новые носки, книжки и всегда — объятия.

Яна ждала её у ворот. Когда мама выходила из такси, Яна бежала к ней и обнимала так крепко, что мама смеялась и говорила: «Яна, я задохнусь».

В тот день, когда Яна показала маме звёзды, мама приехала уставшая, с тёмными кругами под глазами. Она выпила чай, съела бабушкин пирог и сказала:

— У нас есть работа на завтра. Я приехала, чтобы побыть с тобой.

Мама не говорила «чтобы отдохнуть».

Мама всегда говорила «чтобы побыть». И Яна знала: мама устала. Она работает не для себя. Она работает для Яны.

На расстоянии вытянутой руки

Вечером Яна взяла маму за руку и вывела на улицу.

— Смотри, — сказала она. — Звёзды.

Мама подняла голову и посмотрела. Она долго молчала, а потом сказала:

— Они красивые.

— Бабушка говорит, это окна, — сказала Яна. — Что там кто-то тоже смотрит на звёзды. И мы не одни, даже когда одиноки.

Мама посмотрела на Яну и улыбнулась. Она не сказала, что это наивно. Она сказала:

— Ты права. Мы не одни.

Они обнялись. Яна вдохнула запах мамы — усталость, шоколад и немного дороги. Она чувствовала: мама любит её, даже когда далеко. И это было важнее, чем все звёзды мира.

Прощание (воскресенье).

Мама уезжала воскресным вечером. Яна стояла у ворот и махала рукой, пока такси не скрылось за поворотом.

Она вернулась в дом, села на крыльцо и обняла Бима.

Аджимамбетова Яна

— Я не плачу, — сказала она. — Я просто смотрю на звёзды.

И она подняла глаза. Звёзды были на месте. Они ждали её.

Яна улыбнулась.

«Мама вернётся, — подумала она. — А звёзды всегда здесь. И бабушка всегда здесь. Я не одна».

Она не знала, что через много лет она будет сидеть на другом крыльце, смотреть на другие звёзды и ждать другого человека. Но она знала одно: звёзды не предают. Звёзды всегда рядом.

Яна легла на траву и закрыла глаза. Ей снились окна. Много-много окон, в каждом — кто-то, кто смотрит на неё.

На расстоянии вытянутой руки

Сцена 5. Чужая в своём теле (13 лет)

Деревня у бабушки. Местная школа. Лето. Яне 13 лет.

Яна уже не была той маленькой девочкой, которая рисовала круги на земле. Она вытянулась, волосы стали гуще и темнее. Веснушки никуда не делись — они покрывали её нос и щёки, как созвездия. Грудь начала расти, и это её смущало.

Бабушка заметила это однажды утром, когда Яна стояла перед зеркалом и рассматривала себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.